

УДК 316.647.5

Проблема толерантности в современном политологическом дискурсе*

А. В. Трофимов, А. В. Иванов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

В статье проанализированы взгляды современных российских и зарубежных философов, социологов и политологов на сущность и содержание категории «толерантность»; дана оценка степени изученности проблемы; отмечены аспекты, являющиеся предметом научной дискуссии.

Ключевые слова: философия, социология, политология, конфликтология, толерантность.

Феномен толерантности представляет собой одну из самых актуальных проблем современности. Это обусловлено крайней нестабильностью и конфликтностью современного мира, угрожающей самому существованию человечества. Перед мировым сообществом встает задача обеспечения собственной безопасности, решение которой предполагает достижение стабильности в глобальном, региональном и национальном масштабе. А достичь ее можно лишь на основе баланса интересов, входящих в то или иное сообщество индивидов и социальных групп, т. е. терпимого (толерантного) отношения к тем, кто выглядит, думает и делает что-то по-своему, иначе, чем мы.

Понятие толерантности весьма многопланово и в различных областях гуманитарного знания трактуется по-разному. Наиболее общее определение звучит так: толерантность есть «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [3, с. 726]. Однако некоторые философы, в частности В. Е. Кемеров, считают попытки определить толерантность как некое общее понятие бессмысленными, поскольку «ее невозможно взять и рассмотреть как форму, встречающуюся в разных социальных типах отношений между людьми..., пока мы не прояснили вопрос о том, каковы субъекты взаимодействия» [7, с. 74–75]. Это означает, что толерантность является не абстрактной, а исключительно конкретной категорией, неразрывно связанной с субъектами социального действия. Она фиксирует разрыв в социальном воспроизводстве, дискретность социального процесса при отсутствии возможностей для его возобновления. Как бы развивая эту мысль, А. А. Шерер утверждает, что толерантность есть явление конкретно-историческое, обусловленное «теснотой» современного мира, при которой «становится невозможным продолжение взаимодействия по традиционной схеме «свои – чужие» [13, с. 169]. Подобный подход позволяет определить толерантность как такую позицию по

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 12-11-66004).

отношению к иному («чужому»), которая снимает с него клеймо враждебности, лишает его инаковость негативной оценки и, в конечном итоге, признает его онтологическую ценность. Британский социолог Б. Ризрдон транслирует это суждение более простыми словами: «Толерантность есть признание за другими права на уважение их личности и самоидентичности» [12, с. 5]. Переводя проблему в плоскость прикладной социологии, Г. Лазутина видит в толерантности не просто абстрактную философскую категорию, а «необходимое условие для оптимального действия механизмов саморегулирования общества» [9, с. 224], придает ей значение определяющего этического принципа социальных взаимоотношений.

Продолжая вести речь о дефинициях, нельзя обойти вниманием рассуждения М. М. Акулича по поводу содержания категории «толерантность». Он справедливо отмечает, что на русский язык латинское слово «tolerantia» переводят и как «терпение», и как «терпимость», в то время как эти понятия неотждественны. Действительно, категория «терпение» относится преимущественно к материальной стороне жизни людей, в то время как «терпимость» – к духовной. По мнению М. М. Акулича, «терпимость проявляется в отношении ценностей, потребностей, интересов, целей других людей, социальных групп и иных общностей, а также в отношении культурных традиций, обрядов, обычаев, существующих в обществе» [1, с. 6–7]. Тем самым он фактически ставит знак равенства между понятиями «терпимость» и «толерантность», с чем мы склонны согласиться. Одновременно М. М. Акулич поднимает весьма сложный вопрос о соотношении толерантности и свободы. Действительно, толерантность позволяет осуществить такую модель взаимодействия субъектов общественных отношений, когда один свободен не в ущерб другому, что обеспечивает формирование согласия и порядка внутри социальной системы. Однако этот порядок будет прочным (а система – стабильной) только в том случае, если он основан на справедливости, имеющей приоритет по отношению к свободе. А это значит, что проблема справедливости общественного устройства имеет определяющее значение для формирования толерантности в данной социальной системе.

Итак, изложенные выше суждения позволяют сделать некоторые выводы. Категория «толерантность» на сегодняшний день не имеет однозначного определения. Лингвисты понимают ее как терпимость, снисходительность к чужим недостаткам; политологи рассматривают как способность человека, сообщества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать мнение, отличное от своего; психологи используют это понятие для обозначения способности понять другого человека, рассматривают толерантность как антипод агрессивности.

Более широкое толкование категории «толерантность» дает И. Дзялошинский. Он рассматривает ее как «характеристику любых социальных структур – отдельного человека, социальной группы, общественного института или общества в целом, – фиксирующую специфическую ориентацию на разрешение конфликтных ситуаций, возникающих в процессе взаимодействия с другими социальными структурами» [6, с. 32]. Сущность этой ориента-

ции, по его мнению, состоит «в стремлении понять позицию другой стороны, объяснить ей свою позицию и в процессе диалога найти взаимоприемлемое компромиссное решение» [6, с. 32]. Содержание категории «толерантность» автор раскрывает, противопоставляя ее экстремизму – такой модели социального взаимодействия, которая опирается на насилие как основной способ решения спорных проблем. Он рассматривает толерантность не только как духовно-нравственную характеристику субъектов социального взаимодействия, но и как специфическую технологию этого взаимодействия, обеспечивающую достижение целей на основе взаимного учета интересов.

Несомненный интерес представляет попытка И. Дзялошинского сформулировать некие параметры толерантности. К ним он относит уровень, субъект и предмет толерантности. Введение первого параметра – уровня – позволяет выработать шкалу измерения толерантности, применимую как личности, так и к обществу. Ее максимальное и минимальное значения определяются антиподами дуальной оппозиции «толерантность – экстремизм». Что же касается индикаторов и социологического инструментария, позволяющего измерять уровень толерантности, – этот вопрос автор оставляет открытым. Со вторым параметром все достаточно просто: в качестве субъектов толерантности И. Дзялошинский рассматривает индивидов, социальные группы и общественные институты, на которые распространяется принцип толерантности, с которыми возможен компромисс. Данный тезис представляется нам спорным. На наш взгляд, в качестве субъекта толерантности выступает индивид или социальная группа, обозначаемые в личном или общественном сознании символом «Я» либо «Мы». А вот те, с кем субъект взаимодействует, обозначаемые символом «Они», могут быть определены как объекты толерантности, а вот этого параметра И. Дзялошинский почему-то не предусматривает, хотя логика подсказывает: наличие субъекта предполагает существование объекта. Наконец, третий параметр – предмет толерантности – это то поле, в рамках которого осуществляется взаимодействие субъекта и объектов, осуществляется согласование их интересов, поиск компромисса. У различных субъектов это поле может быть разным. Например, людей различного вероисповедания может примирить одинаковая политическая ориентация. А может быть и наоборот – кто-то готов закрыть глаза на политические убеждения единоверца, отличные от своих. Или возможен другой вариант: один человек никогда не поступится своими нравственными идеалами, для другого же они могут быть предметом торга. Таким образом, каждый субъект общественного взаимодействия имеет некие зоны или поля, в которых возможна реализация толерантного отношения к «другим». Это, в свою очередь, предполагает наличие четко обозначенных (табуированных) пределов, границ таких зон, выйти за пределы которых не представляется возможным.

Наряду с обозначенными выше проблемами, в современной научной литературе активно дискутируется вопрос о видах толерантности: ее подразделяют на политическую, социальную, этническую, ментальную и др., выделяя в каждом из них как общие, так и особенные черты. Так, например, характе-

ризуя политическую толерантность, Г. М. Денисовский и П. М. Козырева определяют ее как «признание того, что в социально дифференцированном обществе неизбежно и закономерно существование различных, в том числе разнонаправленных и даже совершенно противоположных, политических интересов, убеждений и взглядов», которое проявляется «во всех сферах и областях политической жизни как на уровне политического сознания, так и на уровне политического поведения» [5, с. 9].

Следует отметить, что проблема политической толерантности занимает ведущее место в исследованиях западных социологов и политологов. При этом они, как правило, опираются на положения теории политической культуры, основы которой были заложены М. Вебером, А. Кребером, Т. Парсонсом и нашли свое развитие в трудах Г. Алмонда, С. Вербы, Л. Пая и др. Несмотря на огромное разнообразие подходов, практически все авторы сходятся в том, что политическая толерантность является одной из фундаментальных ценностей современного демократического общества. В частности, Р. Даль непосредственно связывает ее с развитием демократических процессов и считает важнейшей чертой демократической политической культуры [4, с. 151]. По его мнению, для демократии политическая толерантность особенно важна потому, что демократическое общество не предполагает тотального согласия. Демократия не исключает, а наоборот, предусматривает наличие постоянного конфликтного поля, но, в то же время, содержит конкретные принципы и эффективные технологии снятия периодически возникающих противоречий и конфликтов.

Сегодня общепринятым является понимание политической толерантности как образа мысли и деятельности, направленных на поиск взаимопонимания и сотрудничества между участниками политического процесса, допускающих существование оппозиции в широких конституционных рамках, выражающихся в практике достойных форм признания своего поражения в политической борьбе, в готовности допускать инакомыслие в своих рядах.

Именно принцип признания за другими права на собственное видение и истолкование той или иной проблемы лежит в основе толерантности любого вида. Например, по существу, в том же русле находится определение этнической толерантности как отсутствия «негативного отношения к иной этнической культуре, а также наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия собственной» [2, с. 62]. Это означает, что этническая толерантность является характеристикой и условием международной интеграции, исключающей как попытки ассимиляции иного этноса, так и отказ от собственной этнической (национальной) идентичности.

На этом фоне особый интерес представляют рассуждения А. В. Перцева о ментальной толерантности как исторически обусловленной характеристике общественного сознания. По его мнению, толерантность является атрибутом индустриальной стадии развития человеческого общества, поскольку «представляет собой выражение образа жизни предпринимающего человека» [11, с. 204]. Под этот тезис он подводит экономическое обоснование, утверждая, что решающей предпосылкой ее формирования является развитое разделение

труда, складывающееся именно на этой стадии социально-экономической эволюции и предполагающее постоянное взаимодействие и сотрудничество различно действующих и различно мыслящих людей, без которого они выжить попросту не смогут. Конечно, рациональное зерно в этом суждении присутствует. Однако принятие разделения труда в качестве неперемennого условия формирования толерантности как ментальной характеристики представляется нам необоснованной абсолютизацией, поскольку из этого следует, что в доиндустриальном (традиционном) обществе она существовать не могла. Безусловно, архаичное общество не могло быть столь же толерантным, как современное. Система общественных отношений, основанная на внеэкономическом принуждении к труду и деспотической власти узкого слоя правящей элиты, чрезвычайно сужает поле вероятного компромисса, но не исключает его. Так, например, античное общество было весьма толерантным в религиозном отношении. Подтверждением тому служат многочисленные и хорошо известные факты включения в римский пантеон богов покоренных народов. Средневековые общества, основанные, напротив, на религиозном экстремизме (как христианском, так и исламском), проявляли широкую этническую терпимость: исповедующий христианство поляк или норвежец был «своим» и для испанца, и для англичанина, а мусульманин-турок – таковым же для перса или араба.

Тем не менее, А. В. Перцев настаивает на том, что традиционное общество было нетолерантным по определению. Хозяйственная жизнь традиционного общества основана на простом воспроизводстве и фактически представляет собой борьбу за элементарное выживание. В этих условиях какое-либо разномыслие, социальные эксперименты несут в себе угрозу гибели не только отдельного индивида, но и сообщества в целом. Проявить толерантность и допустить действия подобного рода – значит рисковать жизнью многих. Поэтому традиционное общество воспроизводит в неизменном виде социальные отношения, технику и технологии, обычаи и идеологию, уклад жизни в целом; оно непримиримо к новациям в этих сферах. Авторитет старшего по возрасту или общественному положению здесь непререкаем. Любой предмет, да и мир в целом таков, каким его видит старший – носитель истины, добытой опытом предшествующих поколений. Отношения такого рода консервируются не только в традиционном обществе, но и в обществе переходного типа, реализующего модель «догоняющего» развития. Так называемая «догоняющая», или неорганичная модернизация требует от социума гигантского перенапряжения сил, максимальной концентрации на решении поставленных задач и, по сути, превращается в ту же борьбу за выживание, которую ведет общество традиционного типа. Умствовать, подвергать сомнению принятый курс – не просто вредно, но и преступно по отношению к обществу. Поэтому, по мнению А. В. Перцева, «при непрерывной череде “догоняющих модернизаций” нетолерантный менталитет традиционного общества консервируется на многие века» [11, с. 192].

С этими аргументами известного философа можно согласиться. Но как же быть с очевидными проявлениями толерантности в традиционном обще-

стве, о которых говорилось выше? На этот вопрос автор дает ответ, уводящий нас в иную плоскость. По его мнению, проявления толерантности, наблюдаемые в традиционном обществе, означают не поиск компромисса, а снисходительное отношение обладателя истины к заблуждающемуся – сродни отношению умудренного жизнью взрослого к наивному ребенку: пусть набивает шишки, со временем поумнеет. У человека традиционного общества нет не только причины, но и повода быть толерантным, он не сомневается в своей правоте. Терпимость же по отношению к иному, к инакомыслящему он проявляет исключительно по собственной воле, демонстрируя, как пишет А. В. Перцев, «добродетель смирения, побеждая в себе грех гордыни» [11, с. 159].

Такое объяснение вряд ли можно признать исчерпывающим, и вопрос о пределах и характере толерантности в традиционном обществе остается открытым. Тем не менее, оно помогает понять причины интолерантности, широко распространенной в социумах переходного типа, каковым является и современное российское общество. К ним А. В. Перцев относит: разрушение традиционных отношений; резкое изменение в моделях ориентации; возрастание сложности экономических и социальных структур; увеличение скорости обмена информацией. Он считает, что «эти изменения в обществе способствуют росту конфронтации между различными жизненными стратегиями, мнениями, отношениями и отражают их амбивалентный характер: с одной стороны, они ведут к культурному, религиозному и этническому разнообразию, с другой – различные этические стандарты и ценности противостоят друг другу и увеличивают, тем самым, потенциал конфликтности в обществе» [10, с. 142]. По нашему мнению, низкий уровень толерантности в обществе является неотъемлемым атрибутом бифуркации. В подтверждение сошлемся на мнение С. Л. Кропотова, который считает, что «...нетолерантность является самым верным признаком серьезности намерений прорыва к другому социокультурному состоянию во имя выживания как системы в целом, так и отдельных ее элементов» [8, с. 274].

В заключение отметим, что проблема толерантности, несмотря на пристальное внимание, уделяемое ей в последние годы, не столь хорошо изучена, как это кажется на первый взгляд. В пользу этого вывода говорит целый ряд вопросов, поднятых в этой, небольшой по объему статье. Сложность и многоплановость толерантности как явления духовной жизни общества требуют мультидисциплинарного подхода к ее изучению, а практическая значимость этого определяется необходимостью разрешения противоречий современной глобальной цивилизации, представляющихся сегодня непреодолимыми.

1. *Акулич М. М.* Толерантность. Согласие. Порядок // Социальный порядок и толерантность : сб. тез. III Всерос. науч. конф., 30–31 мая 2002 г. : в 2 ч. – Краснодар, 2002. – Ч. 1. – С. 5–10.

2. *Амелин В. В.* Этническая толерантность в поликонфессиональном и многонациональном приграничном ре-

1. *Akulich M. M.* Tolerance. Consent. The order // The social order and tolerance: abstracts compilation of the III All-Russian Conference, May 30–31, 2002. In 2 parts. – Krasnodar, 2002. – P. 1. – P. 5–10.

2. *Amelin V. V.* Ethnic tolerance in multi-confessional and multi-national border region of Russia: status, problems of

- гионе России: состояние, проблемы повышения // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах : материалы конф., Казань, 2–3 июня 2004 г. – М., 2005. – С. 58–75.
3. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. – М., 1991. – Т. 2. – 768 с.
4. *Даль Р.* О демократии : пер. с англ. / *Даль Р.* – М., 2000. – 205 с.
5. *Денисовский Г. М.* Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов / *Г. М. Денисовский, П. М. Козырева.* – М., 2002. – 112 с.
6. *Дзялошинский И.* О некоторых причинах интолерантного поведения // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. – М., 2002. – С. 31–47.
7. *Кемеров В. Е.* Толерантность и полисубъектная социальность // Толерантность в современной цивилизации : материалы междунар. конф., Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. – Екатеринбург, 2001. – С. 70–77.
8. *Кропотов С. Л.* Проблемы мультикультурности российской цивилизации // Толерантность в современной цивилизации : материалы междунар. конф., Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. – Екатеринбург, 2001. – С. 270–280.
9. *Лазутина Г.* Толерантность как условие оптимального общественного саморегулирования // Мы – сограждане (СМИ и общество). – Т. 2. – М., 2002. – С. 224–228.
10. *Перцев А. В.* Ментальная толерантность // Толерантность в современной цивилизации : материалы междунар. конф., Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. – Екатеринбург, 2001. – С. 137–158.
11. *Перцев А. В.* Размышления о ментальной толерантности (материалы к лекциям) // Толерантность : материалы Летней школы молодых ученых «Россия – Запад: философские основания социокультурной толерантности». Екатеринбург, сент. 2000 г. : в 2 ч. Ч. 2. – Екатеринбург, 2001. – С. 150–272.
- increase // Civil society in multi-national and multi-confessional regions: materials of the conference: Kazan, June 2–3, 2004. – М., 2005. – P. 58–75.
3. Great Encyclopedic Dictionary : in 2 vol. – М., 1991. – Vol. 2. – 768 p.
4. *Dahl R.* On Democracy / trans. from English. – М., 2000. – 205 p.
5. *Denisovskiy G. M.* Political tolerance in the Russian society during reforms in the second half of 1990 / *G. M. Denisovskiy, P. M. Kozyreva.* – М., 2002. – 112 p.
6. *Dzyaloshinskiy I.* On some reasons of intolerant behavior // Russian press in a multicultural society: tolerance and multiculturalism as guidelines for professional conduct. – М., 2002. – P. 31–47.
7. *Kemerov V. E.* Tolerance and polysubject sociality // Tolerance in modern civilization: materials of the intern. conference. Yekaterinburg, May 14–19, 2001. – Yekaterinburg, 2001. – P. 70–77.
8. *Kropotov S. L.* Problems of multicultural of the Russian civilization // Tolerance in modern civilization: materials of the intern. conference. Yekaterinburg, May 14–19, 2001. – Yekaterinburg, 2001. – P. 270–280.
9. *Lazutina G.* Tolerance as a stipulation of optimal public self-regulation // We are the fellow citizen (Media and Society). Vol. 2. – М., 2002. – P. 224–228.
10. *Pertsev A. V.* Mental tolerance // Tolerance in modern civilization: materials of the intern. conference. Yekaterinburg, May 14–19, 2001. – Yekaterinburg, 2001. – P. 137–158.
11. *Pertsev A. V.* Reflections on mental tolerance (materials for the lectures) // Tolerance: Materials of the Summer School of Young Scientists «Russia – the West: the philosophical foundations of social and cultural tolerance». Yekaterinburg, Sept. 2000 : in 2 p. P. 2. – Yekaterinburg, 2001. – P. 150–272.
12. *Rierdon Betty A.* Tolerance – the road to peace / translated from English / *A. Rierdon Betty.* – М., 2001. – 304 p.

12. *Риэрдон Бетти Э.* Толерантность – дорога к миру : пер. с англ. / Бетти Э. Риэрдон. – М., 2001. – 304 с.

13. *Шерер А. А.* Толерантность как стратегия отношений между различными нормативными системами // Толерантность в современной цивилизации : материалы междунар. конф., Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. – Екатеринбург, 2001. – С. 169–171.

13. *Sherer A. A.* Tolerance as a strategy for relations between the different regulatory systems // Tolerance in modern civilization: materials of the intern. conference. Yekaterinburg, May 14–19, 2001. – Yekaterinburg, 2001. – P. 169–171.

The Problem of Tolerance in the Contemporary Political Science Discourse

A. V. Trofimov, A. V. Ivanov

Ural State University of Economics, Yekaterinburg

The views of contemporary Russian and foreign philosophers, sociologists and political scientists on the nature and content of the category of «tolerance» are analyzed in this article. Moreover the article assesses the degree of the resource base of the problem, as well as points out the issues that form the subject of scientific discussion.

Key words: philosophy, sociology, politology, conflictology, tolerance.

Трофимов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, кафедра общей и экономической истории, 620144, г. Екатеринбург, ул. Фурманова, 62-114, тел. 8(343)2166913, e-mail: 2519612@rambler.ru

Trofimov Andrey Vladimirovich – Doctor of the Historical Sciences, Professor, the Ural State University of Economics, the Department of the General and Economic History, 620144, Yekaterinburg, Furmanov St., 62-114, phone 8(343)2166913, e-mail: 2519612@rambler.ru

Иванов Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и экономической истории, Уральский государственный экономический университет, 620100, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 23 «а» – 22, тел. 8(343)2541378, e-mail: ivanovav55@yandex.ru

Ivanov Alexey Victorovich – Candidate of the Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of the General and Economic History, the Ural State University of Economics, 620100, Yekaterinburg, Vostochnaya St., 23-A-22, phone 8(343)2541378, e-mail: ivanovav55@yandex.ru